

[Смирнов А. П.] К столетию Православной Церкви в Америке.
(По поводу издания Валаамскаго монастыря: «Очерк из истории
американской православной духовной миссии». СПб., 1894) //
Богословский вестник 1894. Т. 4. № 10. С. 198–212 (2-я пагин.).

КЪ СТОЛѢТІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ АМЕРИКѢ.

(По поводу изданія Валаамскаго монастыря «Очеркъ изъ исторіи
американской православной духовной миссии.» СПб. 1894.).

Къ 25 дню Сентября текущаго года—дню празднованія столѣтняго юбилея Православія въ АмерикѢ, Валаамскимъ монастыремъ сдѣланъ прекрасный подарокъ: „Очеркъ изъ исторіи Американской православной миссии (Кадьякской миссии 1794—1837) съ приложеніемъ 1), портрета американскаго миссіонера монаха Германа и его факсимиле; 2), вида на островѢ КадьякѢ; 3), вида острова Еловаго; 4,—рукописи іеромонаха Гедеона и переписки—матеріаловъ для исторіи Кадьякской миссии, ралѣе не бывшихъ въ печати“.

Прекрасный подарокъ—этотъ очеркъ; тѣмъ болѣе онъ цѣненъ, что въ приложеніяхъ къ нему (стр. 121—292) напечатана переписка и рукописи—матеріалы для Кадьякской миссии еще не бывшіе въ полномъ видѣ напечатанными

Съ опредѣленною ли цѣлью, когда придетъ время праздновать столѣтній юбилей, преподнести такой подарокъ, или нѣтъ—сказать не можемъ—но этотъ подарокъ повидимому готовился еще съ 1822 года различными духовными и свѣтскими очень заботливыми руками (стр. 129, 131, 153, 164—166, 170—186) и наконецъ теперь преподнесенъ Валаамомъ Кадьяку.

Валаамъ и Кадьякъ! Сѣверо-западная Россія и сѣверо-западная Америка!

Что это значитъ?

Всѣ знаютъ, что Валаамъ есть островъ на Лаложскомъ озерѢ, извѣстный своимъ въ всѣхъ отношеніяхъ благоустроеннымъ монастыремъ, привлекающимъ массы богомольцевъ;

но Кадьякъ—тоже островъ, отстоящій отъ нашего Валаама болѣе нежели на десять тысячъ верстъ, принадлежащій къ другой части свѣта, достижимый въ тѣ времена не прежде какъ пройдетъ мѣсяцовъ девять или болѣе въ пути къ нему, трудномъ и опасномъ, — Кадьякъ, конечно многимъ мало извѣстенъ и тѣмъ страннѣе можетъ казаться поднесеніе подарка нашимъ Валаамомъ чужому повидимому Кадьяку.

Но вотъ, незатрудняясь многотысячнымъ пространствомъ между островами, лежащими въ различныхъ частяхъ свѣта, одинъ другому въ день 25 Сентября они протягиваютъ теплыя руки; незнаемые другъ другу лично люди—духовно лобызаются; единятся въ благожеланіяхъ, прошеніяхъ, моленіяхъ и благодареніяхъ, и можетъ быть яснѣе и оцутительнѣе нежели съ помощію современныхъ орудій для возможно полныхъ сближеній между людьми далеко пространственно раздѣленными, они слышатъ взаимно учащенные біенія сорадующихся сердець. Значитъ во внутреннемъ чловѣкѣ есть какое-то иное знаніе о „широтѣ и долготѣ“ (Еф. III, 18), нежели знаніе о широтахъ и долготахъ географическихъ.

Какая же это связь?

Связь та, что старый Валаамъ на русскомъ Ладожскомъ озерѣ вызвалъ къ жизни Валаамъ новый въ Великомъ Океанѣ,—это находящійся близъ Кадьяка Еловый островъ, каковой назвалъ новымъ именемъ монахъ стараго Валаама Германъ, сюда переселившійся, положившій здѣсь свои труженическія кости; но съ самыхъ же первыхъ поръ разлуки съ родной обителью не хотѣвшій порывать связей съ нею, прося ея: единого отъ васъ ищю удовольствія, чтобы Вы насъ не исключали изъ числа любезнаго братства Валаамскаго, а считали *своими* и незабвенно имѣли въ святыхъ молитвахъ нашихъ (стр. 69).

Близка эта связь—названій острововъ. И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ. Какому-либо переселенцу изъ нашихъ внутреннихъ губерній куда-либо далеко, любезно назвать новый поселокъ на далекой окраинѣ тѣмъ самымъ именемъ, къ которому привыкло его ухо, какъ къ родному.

Но есть болѣе крѣпкія, даже можно сказать совѣмъ неразрывныя связи между Валаамомъ Россіи и Валаамомъ въ Америкѣ. Эти связи не только *духовно* родственныя, но и *кровно* въ буквальномъ смыслѣ родственныя.

Русскій Валаамъ съ американскимъ Валаамомъ, отдѣленнымъ малымъ пространствомъ отъ Кадьяка, связанъ не однимъ только воспоминаніемъ о своемъ бывшемъ іеромонахѣ, съ конца 1793 года ставшемъ въ главѣ американской миссіи, а съ 10 Апр. 1799 г. единственнымъ въ исторіи Русской церкви „Кадьякскомъ и прочихъ, принадлежащихъ къ тому острову Америки Епископѣ, викаріѣ Иркутской епархіи“, Іоасафѣ Болотовѣ, (по исключительнымъ обстоятельствамъ единолично хиротонисанномъ для Кадьяка и острову Архіепископомъ Иркутскомъ Веніаминомъ,)—этомъ Епископѣ, которому не суждено было благословить своимъ епископскимъ благословеніемъ юную американскую паству, такъ какъ онъ послѣ посвященія на пути къ мѣсту служенія—въ Кадьякъ—вмѣстѣ съ двумя своими лучшими сотрудниками—миссіонерами среди Алеутовъ—погибъ въ 1799 году при крушеніи корабля „Фениксъ“.

Кромѣ этихъ связей, Валаамъ связанъ къ Кадьякомъ и новымъ Валаамомъ самыми въ полномъ смыслѣ *кровными* узами. Въ 1795 году іеромонахъ Ювеналій, бывший инокъ стараго Валаамскаго монастыря, при учрежденіи св. Синодомъ въ 1793 г., по ходатайству купца Шелехова, православной миссіи на такихъ далекихъ окраинахъ, какъ Алеутскіе острова, вошелъ въ число членовъ этой миссіи и уѣхалъ въ Кадьякъ. Ревность его (и его братьевъ) не имѣла по видимому границъ. Чѣмъ шире открывался предъ нимъ горизонтъ для проповѣдничества, тѣмъ ревностиѣ становился онъ. Предстоявшая жатва на „плавыхъ нивахъ“ только все болѣе и болѣе возбуждала его, и—идя далѣе и далѣе—жнецъ и сѣятель не щадилъ себя. Но близъ озера Плямы, или Шелехова, Ювеналій умеръ смертью мученика на дѣлѣ взятаго имъ на себя апостольскаго служенія (стр. 43, 72--73).

Вотъ какая истинно *кровная* связь соединяетъ нашъ Валаамъ съ Кадьякомъ и вообще православною американскою церковію, празднующею свое юбилейное столѣтіе въ 25 день Сентября.

И если бы время совсѣмъ уничтожило на Кадьякѣ ту, „красовавшуюся когда-то на видномъ мѣстѣ мѣдную доску съ надписью: земля Россійскаго владѣнія“, — память объ

этихъ владѣніяхъ, приобрѣтенныхъ цѣною крови Валаамца, предшаго восвать духовнымъ мечемъ, который есть слово Божіе (Еф. VI, 17.),—эта память не можетъ быть уничтоженною. Она счастливо, ко времени, возобновлена Валаамскимъ Ладожскимъ монастыремъ о его далекой отра-сли—новомъ Валаамѣ, островѣ *Еловомъ* близъ Кадьяка.

Истекаетъ вторая тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ рыболовамъ, закидывавшимъ сѣти въ Галилейское море, былъ сдѣланъ Христомъ призывъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человековъ. (Мѡ. IV, 18—19. Мр I, 16—17.) Идите, научите всѣ языки, крестя ихъ въ имя Отца, и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ. (Мѡ. XXVIII, 19—20).

Призывный голосъ Христа не потерялъ своей дѣйственной силы.

Припоминается другая картина евангельская. Уже призванный стать ловцомъ человековъ (Мѡ. IV, 18. Мр. III, 14-16.) и вмѣстѣ съ другими Апостолами получившій такъ сказать подробно-полную миссіонерскую инструкцію отъ Христа (Мѡ. X, 2—42.), Симонъ Петръ иногда оставался вѣрнымъ своимъ прежнимъ занятіямъ и при удобномъ случаѣ своею рѣшимостію и порывистостью: „иду рыбу ловить!“ увлекалъ и другихъ сотоварищей по ремеслу, встрѣчая отвѣтное слово: „идемъ и мы съ тобой,“

Раздумчивымъ колебаніямъ не было мѣста; пошли и тотчасъ вошли въ лодку... (Іоанна XXI, 2—3.) Не смущаясь даже рѣшительною неудачею въ ловитвѣ, онъ готовъ былъ по первому требованію со стороны, снова закидывать свои сѣти для лова (Луки V, 5).

Всякому рыбаю—и тѣмъ болѣе ловцу человековъ—призванному, или вызвавшемуся на это служеніе, въ какое бы время онъ не отправился на ловитву, предстоитъ одна и та же, часто до буквальности точно хотя и давно опредѣленная дорога, пройденная самымъ замѣтнѣйшемъ ловцомъ человековъ для міра христіанскаго. Эта дорога—быть въ трудахъ, постоянныхъ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ пустынѣ, въ морѣ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ

голодѣ и жадѣ, часто въ постѣ, но стужѣ и въ наготѣ. Кромѣ постороннихъ приключеній ежедневное стеченіе людей, забота о церквахъ (2 Кор. XI, 23—28).

Этотъ многотрудный и тяжелый путь конечно имъ предносится при самомъ вступленіи на него. А какая награда, какая польза?..

При всей готовности трудиться, при всемъ рвеніи въ трудахъ и перенесеніи всяческихъ невзгодъ и опасностей, возможны разочарованія. Что, если послѣ рѣшительно и безповоротно высказаннаго намѣренія: „иду ловить рыбу“, и всѣхъ положенныхъ трудовъ на восторонній вопросъ: дѣти, еда что сѣдно имате? придется отвѣчать: ни! (Іоанна XXI, 5). Обищъ всю труждашея, ничесоже яхомъ (Луки V, 5). Зачѣмъ же былъ предпринять такъ тяжелый, но и такъ бесплодный трудъ?

Но истинныхъ Гепнисаретскихъ рыбаерей, призванныхъ стать ловцами человѣковъ, и ихъ прямыхъ преемниковъ по дѣланію, не смущаютъ, кажущіеся имъ праздными, вопросы о многоплодности или бесплодности предпринимаемаго ими на себя дѣланія. Смиренно считая себя лишь „сороботниками у Бога“, и предстоящее трудное поприще—„Божією нивою, Божимъ строснѣмъ“ (1 Кор. III, 9), они не относятъ достиженіе или недостиженіе такихъ или иныхъ результатовъ къ своимъ способностямъ, энергіи, силамъ или недостаткамъ. Въ слѣдъ за великимъ миссіонеромъ они готовы и способны повторять: „Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только „служители“, чрезъ которыхъ кто-либо увѣроваль, и при томъ по сколько каждому далъ Господь. Одинъ насадилъ, другой поливаль; но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій, и поливающій есть *ничто*, а *все* — Богъ возвращающій (5—7). Стремлюсь, — не достигну ли и я, какъ достигъ и меня Христосъ Іисусъ (Фил. III, 14). При кажущихся неудачахъ, при внѣшне-видимомъ несоотвѣтствіи затраченныхъ трудовъ получаемымъ результатамъ, на дальнѣйшіе неослабные подвиги ихъ воодушевляеть безкорыстная вѣра въ то, что хотя одинъ сѣеть, а другой жнетъ — и сѣющій и жнущій *вмѣстѣ радоваться будутъ* (Іоанна IV, 36—37). Въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей многотрудной жизни, послѣ различныхъ разочарованій, ихъ не оставляетъ послушаніе, лишь только они слышатъ по-

велительный голосъ: „отплыви на глубину“, и „закиньте сѣти свои для лова“! Не собственнымъ ослабѣвающимъ и отъ подвиговъ и отъ малыхъ успѣховъ силамъ довѣряя, а лишь повинуюсь Слову, они простосердечно говорятъ: по слову Твоему закину сѣть (Луки V, 4—5).

Не мало конечно полагается напряженнаго, усиленнаго труда; но не мала иногда бываетъ и добыча. Симонъ Петръ, не поймавшій ничего въ одну ночь въ морѣ Тиверіадскомъ, когда повторно закинулъ сѣть по правую сторону лодки по слову Христову, вытащилъ на землю эту же, такъ недавно пустую сѣть, наполненную большими рыбами, которыхъ было сто пятьдесятъ три (Іоанна XXI, 1—11).

„Прійдите, обѣдайте (12)! Радуйтесь *вмѣстѣ* и сѣющій и жнущій, хотя бы сѣялъ одинъ, а пожалъ другой. Одинъ насаждалъ, другой поливалъ—и насаждавшій и поливавшій безъ надежды, или съ самыми малыми, ... но Богъ возрастилъ. Трапеза уготована для насаждавшаго и поливавшаго отъ Возрастившаго.

Безымянный авторъ „Очерка“ на первыхъ же страницахъ своего труда, считая нравственнымъ долгомъ Валаамскаго монастыря принести свое посильное поздравленіе при всеобщемъ торжественномъ празднованіи столѣтняго юбилея православія въ Сѣверной Америкѣ, и высказывая желаніе сказать свое слово по этому случаю, не оставляетъ читателя въ заблужденіи. „Предложить читателямъ *полную исторію* Американской православной миссіи 1794 г. (иначе сказать—Кадьякской миссіи), мы не можемъ: не имѣемъ для этого... всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ (VI). Своевременнымъ считаемъ воспользоваться *принадлежащимъ собственно Валаамскому монастырю матеріаломъ* для исторіи Кадьякской миссіи, ранѣе полностью нигдѣ не напечатаннымъ (VII). Онъ, или лучше Валаамскій монастырь, и дастъ эти дорогіе матеріалы въ „Приложеніяхъ“ къ Очерку (стр. 121—292), на основаніи которыхъ большею частію „Очеркъ“ и составленъ. Скромную цѣль труда авторъ поставляетъ въ томъ, чтобы въ общихъ чертахъ отвѣтить на вопросы: чѣмъ, какими обстоятельствами въ русской жизни вызвана была Кадьякская миссія; какова была почва, на которую предстояло сѣять сѣмя слова Божія, т. е. каковы были тѣ на-

роды, къ которымъ наши миссіонеры шли съ проповѣдью Евангелія, какой былъ составъ миссіи; каковы были результаты миссіонерскихъ трудовъ; въ чемъ и въ комъ заключались благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства для дѣятельности миссіи; почему выборъ палъ на Валаамскій монастырь при назначеніи миссіонеровъ (VII).

Очеркъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ 1-ой даются свѣдѣнія о томъ, какъ постепенно русскіе люди все далѣе и далѣе проникали въ Сибирь и мало по малу, привлекаемые выгодною добычей пушнины достигли Америки (1 — 13). Во 2-й описываются Алеуты и Кадьякцы въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ (14 — 37). Глава третья — „Кадьякская миссія 1794—1837“ (38—118) — включаетъ въ себѣ отвѣты на все тѣ вопросы, которые авторъ поставилъ себѣ въ предисловіи.

Мы не имѣемъ намѣренія знакомить здѣсь читателя со всеми судьбами миссіи и результатами ею достигнутыми. Исторія Американской миссіи съ хронологическими, географическими и числовыми данными—дѣло будущаго. По не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о томъ напряженіи всехъ лучшихъ силъ, о той энергіи, о томъ ревнованіи за святое дѣло, о той любви къ бѣдному человѣку, какіе отличали нашихъ Валаамскихъ миссіонеровъ сто лѣтъ тому назадъ.

Еще на пути къ назначенному мѣсту своихъ подвиговъ, они не въ силахъ были сдерживать своей ревности—сѣять сѣмя слова и крестить языки. Дорогою на Кадьякъ чрезъ Сибирь, начиная съ Якутска они всюду крестятъ усердно желающихъ креститься Якутовъ: „гдѣ рѣка пришла, тутъ и остаиваемся крестить... а моремъ по Алеутской грядѣ ѣхавши только два дня, заѣхали на островъ Уналашку и тутъ болѣе ста человѣкъ окрестили; они давно уже готовы къ принятію крещенія, ибо всегда съ русскими промышленными живутъ“. Кадьякъ дастъ уже цѣлыя тысячи. „Живемъ хорошо: они насъ любятъ, а мы ихъ“ (67—68). Эта любовь миссіонеровъ къ дикарямъ на столько была велика, что приводила ихъ иногда къ „утѣшительнымъ и радостнымъ спорамъ“ между собою на апостольскую тему: „уста наши отверсты къ вамъ, Алеуты, сердце наше разширено. Вамъ не тѣсно въ насъ (2 Кор. VI, 11—12)“. Людямъ любви

и труда желалось каждому присвоить себѣ какъ можно большую область для труда, не довольствуясь добытымъ результатомъ.

Одна изъ самыхъ симпатичнѣйшихъ личностей изъ состава миссіи, набранной на Валаамѣ, — монахъ Германъ писалъ напр. слѣдующее: „Американцы къ крещенію идутъ весьма охотно: крестилось безъ мала тысячъ семь; а на Уналашкѣ во время проѣзда сквозь Алеутскіе острова, неволею противнымъ вѣтромъ въ одну бухту насъ загнанныхъ, Алеуты своею ласковостію и желаніемъ крещенія весьма удивили. Нынѣ отправляемся для проповѣди и крещенія... по Алеутскимъ, Лисьевскимъ и Андреяновскимъ островамъ, а послѣ въ скоромъ времени... на матерую, начиная съ Кенайской губы—въ Чугачи, Алегиюкъ, дальніе Колоши и другіе многіе языки, даже до Чилхата. Ахъ! здѣсь восхитившись я духомъ при всей краткости времени къ продолженію исторіи, урвалъ кратчайшую минутку, нѣсколько прибавлю рѣчей. Находясь между ведромъ и ненастьемъ, межъ радостей и скуки, между довольствомъ и недостаткомъ, сытостію и голодомъ, тепломъ и холодомъ, при всѣхъ моихъ печаляхъ, обрѣтаю нѣчто веселящее меня, когда слышу разговоры между братією о проповѣди и о раздѣленіи для того себѣ разныхъ предѣловъ; особливо преніе между іеромонахами Макаріемъ и Ювеналіемъ, ибо они и вокругъ Кадьяка пускались на малѣйшихъ кожаныхъ лодочкахъ, не взирая на всѣ морскія опасности... Также и далѣе простирая тѣ іеромонахи свои мысли, нѣкогда прохаживаясь въ своей гавани, гдѣ и я грѣшный случился быть между ними, взошли мы на холмикъ къ полуденной сторонѣ, сѣли, смотря на океанъ, и между прочимъ начали говорить, кому изъ насъ куда идти для проповѣди, ибо приближалось тогда время отправленія судовъ, на коихъ тѣмъ должно ѣхать. И вышелъ между ими въ то время споръ, для меня убогаго утѣшительный и радостный... Отецъ Макарій началъ говорить: „я по намѣренію своему, если Богъ изволитъ, когда буду на Алеутскихъ островахъ, по пристойности же долженъ быть и на Аляскѣ, куда меня уже и звали“... А о. Ювеналій, услышавши про Аляску и не давши отъ ревности болѣе тому говорить, съ торопливостію духа сказалъ: „Аляска по всему моей части подлежитъ, то прошу покорно меня тѣмъ не обижать; какъ

судно нынѣ отпускается въ Якутанъ, то и я проповѣдь долженъ начинать отъ юга и проходя вдоль по океану къ сѣверу и обшедь Кенайскую губу, непременно въ здѣшнюю гавань нужно идти по Аляскѣ“. Слушая то о. Макарій покрывался уныніемъ, и принявъ печальный видъ говорилъ умленно: „Иѣтъ, батюшка, ты меня тѣмъ не тѣсни; самъ ты знаешь — цѣль Алеутскихъ острововъ совокупила съ Аляскою, то непременно моей части подлежить, а оттуда и весь сѣверный берегъ; тебѣ же, если изволишь, довольна на весь твой животъ южная часть Америки“. Я же нижайше слушая таковое преніе, приходилъ отъ радости въ восторгъ. Почти какъ необычайные, іеромонахи о. Макарій и о. Ювеналій пылаютъ всегда ревностію и стремятся во всѣ стороны (70—71).

Дѣйствительно, *необычайное* преніе. Оно происходило въ 1795-мъ г. Тогда же о. Ювеналій отпавился въ Нучекъ и въ Кенайскій заливъ и окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей; а 1796-мъ перебравшись на Аляску для проповѣди нашель тамъ мученическую смерть отъ дикарей. Его со товарищъ окрестилъ всѣхъ Алеутовъ безъ остатка въ выпавшемъ на его долю отдѣлѣ; но въ 1799 утонулъ вмѣстѣ съ Кадьякскимъ епископомъ...

Иѣтъ ничего удивительнаго, если старая апостольскую ревностію и даже соперничая между собою, члены миссіи въ какихъ-нибудь два года пріобрѣли для христіанства до 12,000 человекъ. Хотя со смертію Ювеналія дальнѣйшее распространеніе христіанства почти совершенно было оставлено, однакожь замѣчательно, что когда около 1830 г. прибыли священники въ новооткрытыя церкви въ Уналашку и Атху, — тамъ имъ уже *некого* было крестить. Всѣ взрослые были крещены миссіонерами 1795 г., а новорожденных крестили или русскіе, или сами Алеуты (74).

Но если миссіонеровъ радовали успѣхи проповѣди, если въ общемъ они всюду встрѣчали расположеніе къ себѣ со стороны дикарей и замѣчали не только „усердіе, но правильнѣе сказать, жажду къ слышанію слова Божія“, по выраженію митр. Пиннокентія, — эти самыя обстоятельства правдивно такъ сказать обязывали миссіонеровъ быть въ полномъ смыслѣ *отцами* для своихъ дѣтей, неусыпно пекущимся объ удовлетвореніи ихъ разнообразныхъ нуждъ.

Истинно апостольская „забота о церквахъ“ сказывается напр. въ письмѣ м. Германа къ одному вліятельному лицу въ составѣ Американской компаніи: „любезному нашему отечеству Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволитъ край сей, который еще не имѣетъ ни силъ къ какимъ шибудь познаніямъ, ни смысла, требуетъ не только покровительства, но по безсилію своему и слабаго ради младенческаго возраста самаго поддерживанія; но и о томъ самомъ не имѣетъ онъ еще способности къ кому-либо сдѣлать свою просьбу; а какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ провидѣніемъ неизвѣстно до какого то времени отдава въ руки находящемуся здѣсь Россійскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти: сего ради я, *нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька*, отъ лица тѣхъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу: будьте намъ отецъ и покровитель, мы всеконечно краснорѣчія не знаемъ, но съ нѣмотою младенческимъ языкомъ говоримъ,—отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали тающіе сердца, дайте разумѣть—что значитъ отрада. Милостивѣйшій государь, въ семь маломъ изображеніи вы тонкостію вашего разума и проникательнымъ вниманіемъ сами можете пространство и обширность народныхъ горестей съискать. Мы остаемся въ ожиданіи, какое Творецъ изліетъ благоволеніе вашему сердцу на участь бѣдныхъ, однако—болѣе въ надеждѣ отъ новаго господина новыхъ милостей, новыхъ радостей, вообще всему здѣшнему краю новаго оживотворенія. Взаимно благодарные молчаливые вздохи, восхитительныя радостныя восклицанія, проникши облака, возлетятъ къ престолу Всемогущаго Царя съ испрошеніемъ вамъ, нашему милостивому отцу и благодѣтелю при всемъ благополучіи продолженія дней и полученія вѣчныхъ благъ“ (151).

Не желалось бы портить хорошаго впечатлѣнія отъ начертанныхъ Валаамитами картинъ, папоминающихъ первые христіанскіе вѣка, изображеніемъ „пространства и обширности народныхъ горестей“, какія лицомъ къ лицу встрѣчались съ ними и требовали съ ихъ стороны усиленныхъ хлопотъ, чтобы вмѣстѣ съ свѣтомъ христіанства дапо было бѣдствующимъ инородцамъ разумѣть—что значитъ и земная отрада.

Личныя оскорбленія и притѣсненія, чинимыя миссіонерамъ со стороны людей заправлявшихъ дѣлами Компаніи и промышленниковъ, творившихъ всякую свою волю потому, что до Бога высоко, а до Царя далеко (246); издѣвательства, доходившія до открытаго богохульства (245, 250); многократныя воспрещенія въ воскресные дни и Господскіе праздники отправлять службу Божию (250),—когда случалось, что миссіонеры и ихъ паства не смѣли свободно выходить даже въ церковь, а въ домѣ отправляли все церковныя службы болѣе года (245)—все это, пожалуй, могли они сносить терпѣливо. Но какъ они чувствовали себя, когда Кадьякцы, не находя никакого снисхожденія у свѣтскихъ властей, съ отчаяніемъ разъ осмѣлились объявить духовной миссіи, что они въ промысловую партію не хотятъ ѣхать, ибо у нихъ на промыслахъ многіе померли. Въ доказательство своей рѣшимости бороться до конца, Кадьякцы — около двадцати человекъ — на всякій случай привезли съ собою новыя одежды и просили миссіонеровъ, чтобы они въ этихъ одеждахъ ихъ похоронили, если они будутъ избиты за ослушаніе, и были свидѣтелями убійствъ! (243—244). Что чувствовали миссіонеры, когда видѣли, какъ нерѣдко алчность промышленниковъ приносила десятками и сотнями ихъ духовныхъ дѣтей въ жертву бурному морю (236—237); когда дѣло доходило до того, что матери еще въ утробѣ убивали младенцевъ для того, чтобы избавить ихъ отъ мученія Компаніи, а на островѣ Шалитокѣ нарочито морили 8—10 лѣтнихъ дѣтей голодомъ, въ томъ намѣреніи, чтобы не были работниками Русскимъ (247)?

Что удивительнаго, если при такихъ условіяхъ у самыхъ ревностныхъ людей опускались руки; если они убѣждались, что успѣхъ миссіи не соответствуетъ предполагаемому чаянію, и взывали къ духовнымъ властямъ въ Петербургъ: аще воззову въ день скорби моея—услыши мя,—и измени—не забуди мене до конца (242); изведи изъ темницы душу мою (250. 252).

Немноголюдная миссія постепенно таяла, то сама собою, то по причинѣ слагавшихся для нея все болѣе и болѣе тяжелыхъ обстоятельствъ. Изъ одиннадцатичленной (хотя и не сразу), состоявшейся изъ шести иноковъ Валаама, двухъ Коневского мон., одного іеромонаха Александро-Невской

лавры и двухъ неизвѣстныхъ церковно-служителей, она явившись на Кадьякъ въ 1794-мъ году, уже въ 1796-мъ потеряла мученикомъ Ювеналія, въ 1799 епископа Іоасафа, Макарія и Стефана, утонувшими при крушеніи Феникса; въ 1806-мъ выбылъ въ Иркутскъ Нектарій, въ 1807-мъ оставилъ Америку Гедеонъ, въ 23 умеръ въ Кадьякъ Іоасафъ, въ 25-мъ выбылъ въ Россію Лѳанасій. Не захотѣлъ только оставить свой новый Балаамъ—островъ Еловый—монахъ Германъ, мирно скончавшійся здѣсь въ 1837 г., послуживъ слишкомъ сорокъ лѣтъ заботливою нянькою новопросвѣщеннымъ. Съ его смертію кончила свое существованіе и Кадьякская миссія (43—43).

Ушли съ исторической сцены замѣчательные люди; а гдѣ дѣла ихъ?

Еще въ 1866-мъ году одно изъ лицъ, заинтересованныхъ судьбою Кадьякской миссіи, обращалось къ старому Балааму съ полу-вопросомъ гадательнымъ: „прошло болѣе 40 лѣтъ! Я думаю теперь тамъ все пусто, раззорено и знаку не осталось послѣ отца Германа“! (стр. 162).

Мы можемъ быть утѣшенными тѣмъ, что нынѣ празднуетъ свой столѣтній юбилей американская „церковь Бога жива“. Значить она не была опустошена, не была совсѣмъ раззорена на столько, чтобъ и знаку не осталось. Знаки всегда и оставались и остались...

Сами миссіонеры, по причинамъ понятнымъ, находясь на мѣстѣ дѣйствій, постоянно смѣняющихся по своему характеру и значенію; сами—вольно или невольно,—намыренно или ненамыренно — творцы мелкихъ событій и участники въ нихъ первые—справедливо не считали себя достаточными по компетентности судьями относительной стоимости и жизненности дѣлъ, вокругъ нихъ и чрезъ нихъ совершавшихся. Разнообразныя потребности данной минуты, требующія удовлетворенія въ эту же самую минуту, естественно не давали имъ на первыхъ порахъ возможности (не говоря объ ихъ миссіонерскомъ смиреніи), класть на каждое изъ своихъ дѣлъ ту или другую пробу, чтобы придать этому своему дѣлу общепризнанную цѣнность на рынкѣ сужденій.

„Описалъ бы вамъ все здѣшнее поведеніе; но — простите—время еще не достаетъ. То креститься приходятъ, то — вѣнчаться, кто—поучаться закону; а никого опечалить

и оскорбить отказомъ не хочется; при томъ же и русскіе разныя нужды имѣютъ: поговорить и исповѣдываться“... (стр. 69). „Мы — всегда въ суетахъ и посреди міра“ (стр. 70).

Однакожь и находясь всегда въ суетахъ, они оставили по себѣ памятникъ, который для своего возникновенія и существованія требовалъ опредѣленной заранѣ системы дѣйствій и непрерывнаго достиженія предположенной цѣли. Мы указать хотимъ въ данномъ случаѣ на школы.

Не смотря на то, что свѣдѣнія о частной дѣятельности членовъ миссіи крайне скудны (65), можно все-таки отмѣтить кое-что заслуживающее вниманія и рекомендуемое членовъ миссіи. Среди ихъ іеродіаконъ Нектарій, къ сожалѣнію въ 1806-мъ г. вышедшій въ Иркутскъ (43), оказался по суду ученаго іеромонаха Гедеона (1805—1807) имѣющимъ великую охоту и способность къ наукамъ, особенно къ механикѣ. Еще до пріѣзда на Кадьякъ Гедеона, Нектарій самъ, безъ руководства другихъ, выучилъ грамматику руссійскую; такимъ же образомъ выучился дѣлать и часы стѣнные. Гедеонъ показалъ ему первоначальныя основанія прочихъ наукъ: ариметики, исторіи и географіи; онъ сталъ даже обучаться французскому языку. Такимъ образомъ Александроневскій ученый іеромонахъ пріуготовилъ іеродіакона Нектарія учителемъ для Кадьякского училища. Въ то же время Гедеонъ перевелъ на Кадьякскій языкъ „Молитву Господню“, которую въ его время пѣли въ церкви и учили въ школѣ Кадьякской, свое основаніе получившей впрочемъ изъ остатка почти издыхающаго прежде бывшей школы (стр. 278), а теперь вновь открытой въ 1805 г. и раздѣлявшейся на два класса. Первоначально въ первомъ классѣ тридцать человѣкъ обучались чтенію, письму (еще къ Шелехову дикари приводили аманатами своихъ дѣтей и просили учить ихъ говорить и читать по русски, тогда же была устроена и школа, стр. 8) и краткому катихизису. Во второмъ двадцать мальчиковъ учились русской грамматикѣ, ариметикѣ, географіи, священнои и гражданской исторіи (241—242).

Не оставлены были безъ вниманія даже и тѣ нужды новопросвѣщенныхъ, удовлетвореніе которыхъ не входило прямо въ кругъ миссіонерскихъ обязанностей просвѣтителей. Они

именно смотрѣли на своихъ чадѣ — во всѣхъ отношеніяхъ младенцевъ—глазами сѣрдобольной няньки, какъ и называлъ себя монахъ Германъ въ своемъ слезномъ письмѣ, о которомъ выше сказано. Не была просвѣтителями забыта и часть хозяйственная: въ свободные часы школьниковъ приучали устраивать огороды, садить и сѣять овощи, полоть, собирать нужныя травы и коренья и удить рыбу; было отдѣленіе для обученія сапожному и башмачному ремесламъ (стр. 100). Предполагалось рисовальное искусство (268). Удовлетворяя жизни духовной,—а слушатели проповѣдниковъ не рѣдко высиживали по 8 и болѣе часовъ, не вставая и не отходя прочь отъ нихъ — миссіонеры прилагали старанія свои и къ тому, чтобы научить ихъ по возможности успѣшной борьбѣ съ періодическими голодовками ихъ преслѣдовавшими, по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ.

Въ 1805 г. 15 Августа Россійско-американское училище въ числѣ 50 учениковъ имѣло удовольствіе показать плоды свои на публичномъ экзаменѣ въ присутствіи попечительнаго образователя Р.-Американскихъ областей и прочихъ посѣтителей. Отличившіеся за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ ученики были щедро награждены лично его превосходительствомъ... (261-262.) Вскорѣ училище съ отрядомъ учениковъ практическаго земледѣлія считало въ своей средѣ до 80 человекъ разныхъ племенъ. Въ 1806 г. оно возрасло до 100, въ числѣ которыхъ были колюжскіе т. е. колоши—аманаты. Второй публичный экзаменъ въ 1807 г. опять показалъ, что дѣло шло успѣшно (стр. 279-281.) Училище это счумѣло приготовить изъ учениковъ своего училища даже учителей и помощниковъ для нихъ. Одному изъ нихъ, при вспомошествованіи другихъ, было ввѣрено даже собраніе словаря Алеутскаго языка и сокращенное начертаніе грамматики этого-же языка (105, 280—281).

Знаменитый монахъ Германъ, стараясь всѣми зависящими отъ него способами быть истинно полезнымъ американцамъ на островѣ Еловомъ—новомъ Валаамѣ—устроилъ также школу, въ которой самъ обучалъ небольшое число учениковъ и ученицъ чтенію, письму, закону Божію и церковному пѣнію. Эти ученики и ученицы помогали старцу при молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ въ часовнѣ построенной на Еловомъ островѣ (стр. 110).

Авторъ „Очерка“, выставляя на видъ миссіонерскіе труды въ данномъ отношеніи, сопровождаетъ свои рассказы о нихъ замѣчаниями, звучащими нѣсколько грустною потою (можетъ быть впрочемъ по скудости данныхъ): цвѣтущее состояніе училища едва ли было продолжительно. (101). Какова была участь училища и всего того, что... старались насадить и развить на Кадьякѣ—памъ не извѣстно (107).

Однакоже не подъ такимъ впечатлѣніемъ можетъ оставить чтеніе „Очерка“ читатель, особенно если онъ припомнитъ себѣ приточное Евангельское слово о сѣятелѣ, сѣмени и условіяхъ успѣха сѣянія...

„Царствіе Божіе подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю; и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ,—не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колось, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ,—немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва“ (Мр. IV, 26—29).

Сѣмя брошено въ землю. Какъ оно всходило и всходить—онъ не знаетъ;—спалъ или бодрствовалъ онъ,—вставалъ, или не вставалъ днемъ и ночью, чтобы наблюдать надъ нивой, имъ обрабатываемой и засѣваемой—это же предрѣшаетъ вопроса о нуждѣ построенія житницъ. (Луки XII, 16—19).

Зелень можетъ и погибнуть, какъ бы много по человѣческимъ расчетамъ она не обѣщала; но она же сама можетъ дать сверхъ ожиданій и колось, и полное зерно въ колосѣ. Не намъ знать—изъ чего и когда созрѣетъ плодъ, а когда онъ созрѣетъ, тогда конечно посланъ будетъ и серпъ, потому что настала жатва.

Праздновавшійся столѣтній юбилей американской миссіи, конечно, вызоветъ полный очеркъ исторіи ея за все протекшее столѣтіе. Тогда видно будетъ, чтѣ именно и насколько получили новые миссіонеры отъ миссіонеровъ прежнихъ—Валаамскихъ. А что прежніе усердно сѣяли, и новые пожинали нѣчто—объ этомъ свидѣтельствуесть такой великій миссіонеръ, какъ Митрополитъ Московскій Пиннокентій